ГЛАВА 4

КОРРУПЦИЯ В ЖЕРНОВАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ – СМАЗКА ИЛИ ПЕСОК?

Шан-Цзинь Вэй[243]

"Если заглянуть вглубь большинства финансовых кризисов, то всегда можно обнаружить проявления мошенничества и злоупотреблений, а зачастую и немало преступной деятельности. Коррупция угрожает росту и стабильности и во многих других аспектах, разрушая стимулы деловой активности, подрывая правовые основы прав собственности и закрепляя особое положение влиятельных кругов".

Лоренс Саммерс

Выступление на саммите "восьмерки", Денвер, 10 июня 1997 года

"С точки зрения экономического роста хуже общества с косной, чрезмерно централизованной и бесчестной бюрократией может быть только общество с косной, чрезмерно централизованной и честной бюрократией"[112].

Самьюэл П. Хантингтон

4.1 Введение

Скандалы вокруг коррупции постоянно выплывают на страницы хроники в самых различных странах мира. Коррупция, подобно тараканам, с давних времен является неизменным спутником человеческого общества и по сей день широко распространена даже за пределами стран с переходной экономикой. Душит ли коррупция процесс экономического развития и перехода, или же она на самом деле служит своего рода "смазкой" для шестерен экономического прогресса? Две взаимно противоречащие цитаты, приведенные выше, свидетельствуют о том, что среди умных людей бытуют самые разные мнения. Можно припомнить, пожалуй, немало поучительных историй, подтверждающих справедливость обоих этих утверждений (не совместимых друг с другом). Существуют, очевидно, примеры и деструктивной коррупции (каковой она считается в первой цитате) и коррупции созидательной (каковой она полагается во второй цитате). Однако поучительные истории могут показать отнюдь не все. Что же может показать тщательное изучение фактов и данных? Первая цель настоящего документа заключается в том, чтобы провести обзор последних исследований, посвященных изучению влияния коррупции на экономическое развитие[113]. Вторая цель состоит в проведении оценки эффективности различных реформистских стратегий борьбы против коррупции, в том числе и моего собственного предложения относительно того, как начать реформу таким образом, чтобы можно было устранить политический риск, решить проблему финансовой приемлемости и справиться с другими трудностями.

Документ построен следующим образом. В разделе 4.1 обсуждаются возможные способы определения степени различия в уровнях коррупции между странами. В разделе 4.2 рассматриваются

---

[111] Я благодарен Иво Бичаничу, Гуннару Экскеланду, Даниелу Кауфманну, Джону Монтгомери, Денису Осборну, Пасуку Фонгпайчиту, Сузан Роуз-Акерман, Красену Станчеву, Вито Танзи и участникам весеннего семинара Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций, состоявшегося 7 мая 2001 года, за полезное обсуждение данного вопроса. Вместе с тем я несу ответственность за все мнения и ошибки, содержащиеся в настоящем докладе.

[112] S. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven, Yale University Press, 1968), p. 386.

[113] Классические работы в этой области включают, в частности, A. Krueger, "The political economy of rent-seeking society", *American Economic Review,* Vol. 64, No. 3, June 1974, pp. 291-303; S. Rose-Ackerman, "The economics of corruption", *Journal of Public Economics,* No. 5617, June 1975, idem, *Corruption: A Study in Political Economy* (New York, Academic Press, 1978); F. Lui, "An equilibrium queuing model of bribery", *Journal of Political Economy,* Vol. 93, No. 4, August 1985, pp. 760-781; A. Shleifer and R. Vishny, "Politicians and firms", *Quarterly Journal of Economics,* Vol. 109, No. 4, November 1994. К числу более ранних аналитических работ относятся J. Andvig, "The economics of corruption: a survey", *Studi Economici,* No. 43, 1991, pp. 57-94; P. Bardhan, "Corruption and development: a review of issues", *Journal of Economic Literature,* Vol. 35, No. 3, September 1997, pp. 1320-1346; D. Kaufman, "Corruption: some myths an facts" (более ранний вариант был опубликован в издании *Foreign Policy*, Summer 1997, pp. 114-131); UNDP, *Corruption and Good Governance,* Discussion Paper No. 3 (prepared by S. Rose-Ackerman), 1997; и V. Tanzi, *Corruption Around the World: Causes, Consequences, Scope and Cures,* IMF Working Paper WP/98/63 (Washington, D.C.), December 1998. Следует отметить, что настоящий документ несет в себе ряд новых элементов. Во-первых, основное внимание в нем уделено не просто теоретизированию, а исследованиям, основанным на конкретных данных. Во-вторых, в свете стремительного роста числа исследований по проблеме коррупции, отмечающегося в последние пять лет, в нем проводится обзор совсем недавних материалов, включая работы, основанные не только на страновых регрессиях, но и на результатах наблюдений на уровне отдельных фирм.

свидетельства влияния коррупции на экономический рост. В разделе 4.3 говорится о повышении значимости борьбы против коррупции по мере углубления процесса глобализации мировой экономики и приводятся соответствующие обоснования. Раздел 4.4 посвящен обсуждению влияния культурных различий на последствия коррупции. В разделе 4.5 рассматриваются факторы, которые могут лежать в основе различий в уровнях коррупции в отдельных странах, и анализируются возможные пути решения проблемы. В разделе 4.6 содержатся некоторые выводы.

4.2 Коррупция – какая именно?

Настоящий документ посвящен в основном коррупции в экономической сфере, в которой задействованы правительственные чиновники. Коррупция определяется здесь как злоупотребление властью государственными чиновниками, которые вымогают или получают взятки со стороны частного сектора ради своего личного обогащения. Это следует отличать от политической коррупции (например, подкупа избирателей, законной или незаконной поддержки кампаний состоятельными и другими группами, имеющими особые интересы, в целях оказания влияния на принимаемые законы и нормативные положения) и взяточничества в частном секторе. Эти другие виды коррупции несомненно имеют значение и для процесса экономического перехода и развития. Однако в силу необходимости сосредоточения внимания на основном предмете и ограниченности моей компетенции в настоящем документе рассматриваются проявления, главным образом связанные с чиновничьей коррупцией, определение которой дано выше.

Уже сам характер коррупции (ее секретность, незаконность, варьирование масштабов в различных отраслях экономической деятельности) не позволяет получить точную информацию о ее размахе в той или иной стране: она не поддается измерению, как, например, инфляция. Эта трудность препятствует также четкому ранжированию стран по относительному уровню коррупции.

Кроме того, то, что именуется "злоупотреблением властью" и "коррупцией" в одном культурном контексте, может не восприниматься как таковое в другом. Однако, если то или иное явление имеет давнюю историю, широко распространено и трудно поддается контролю, одно лишь это отнюдь не основание для того, чтобы игнорировать его. Тараканы являются неизменными спутниками человеческого общества с давних времен и широко распространены, но нам до сих пор приходится иметь санэпидемстанции. Естественно, точные границы того, что считается "коррупцией", могут зависеть от характера культурного уклада. Обследование, проведенное в Таиланде в начале 90-х годов, показало, что тайское население готово принять как "допустимое" такое поведение государственных чиновников, которое включало бы определенные действия, квалифицируемые в Соединенных Штатах или западной Европе как "коррупция"[114]. Вместе с тем существуют и такие виды злоупотребления властью, которые расцениваются как "коррупция" во всем мире. Это же обследование показало, что тайское население, несмотря на высокий уровень терпимости к такому поведению государственных чиновников, тем не менее считает чиновничью коррупцию одной из главных проблем своей страны, и подавляющее большинство высказалось за принятие мер для существенного сокращения ее масштабов. И это присуще не только Таилунду. В России и Индонезии, в Китае и Венесуэле коррупцию считают первейшим злом в государстве.

Подобно порнографии, коррупция трудно поддается количественной оценке, но ее безошибочно узнаешь всякий раз, когда сталкиваешься с ней. Несмотря на все трудности, с которыми сопряжены любые попытки измерения масштабов коррупции, обследование экспертов или фирм в определенной стране все же позволяет получить полезную информацию о степени ее серьезности на национальном уровне. Существуют четыре основных типа "рейтингов коррупции":

i) Рейтинги коррупции на основе "экспертных заключений"

Наглядным примером является индекс "International Country Risk Guide" (ICRG) ("Международный справочник страновых рисков" (МССР)), который публикуется на ежегодной основе с 1982 года Службой оценки политического риска – частной международной структурой, занимающейся оценкой инвестиционного риска. Индекс коррупции МССР, по-видимому, основывается на заключениях "собственных экспертов" и должен отражать степень распространенности случаев, когда "высокопоставленные государственные чиновники, скорее всего, требуют особой платы" и когда "на более низких уровнях власти обычно практикуются незаконные платежи" в форме "взяток, связанных с выдачей импортных и экспортных лицензий, применением мер валютного контроля, определением ставок налогообложения, обеспечением защиты со стороны органов полиции или предоставлением ссуд".

ii) Рейтинги коррупции на основе результатов обследований отдельных фирм или опросов граждан

Двумя наглядными примерами в этой категории являются индекс коррупции, фигурирующий в издании "Global Competitiveness Report" [Доклад о мировой конкурентоспособности (ДМК)], и индекс коррупции, приводимый в издании "Global Development Report" [Доклад о мировом развитии (ДМР)]. В отличие от индекса МССР индекс ДМК основан не на заключениях консультантов или экспертов, а на результатах обследования, проводимого (ежегодно с 1996 года) среди руководителей фирм. В ходе этого

[114] P. Pasuk and S. Piriyarangsan, *Corruption and Democracy in Thailand* (Thailand, Silkworm Books: Chiang Mai, 1994).

обследования, организуемого под эгидой Всемирного экономического форума – консорциума европейского базирования с широким кругом участвующих фирм – и разработанного Гарвардским институтом по проблемам международного развития, фирмам-респондентам предлагается ответить на ряд вопросов по различным аспектам "конкурентоспособности" в странах базирования, где они занимаются инвестиционной деятельностью. В 1996 году на вопрос о коррупции, в котором респондентам предлагалось оценить уровень коррупции по шкале от 1 до 7 в зависимости от масштабов "непредусмотренных, дополнительных платежей, связанных с выдачей лицензий на импорт, экспорт или на открытие предприятий, применением мер валютного контроля, определением ставок налогообложения, обеспечением защиты со стороны органов полиции или предоставлением ссуд", ответили в общей сложности 2381 фирма из 58 стран. Индекс коррупции ДМК для конкретной страны представляет собой среднее значение оценок всех респондентов по этой стране.

Подобно индексу ДМК индекс ДМР основан на результатах обследования отдельных фирм, которое было проведено в 1996 году Всемирным банком для его Доклада о мировом развитии за 1997 год. Каждому респонденту было предложено ответить на длинный перечень вопросов, один из которых касался оцениваемого уровня коррупции. Этот вопрос по сути идентичен вопросу, ставившемуся в ходе обследования ДМК. Обследование ДМР охватывает более 70 стран (многие из которых не входят в выборку ДМК, и наоборот). Обследование ДМР охватывает в большей мере средние и мелкие фирмы, в то время как обследованиями ДМК охватываются более крупные фирмы.

iii) Рейтинги коррупции на основе "обследования результатов обследований"

Наиболее известным показателем в этой категории является показатель, публикуемый ежегодно с 1995 года организацией "Транспаренси интернэшнл" (ТИ) – неправительственной международной организацией, занимающейся вопросами борьбы против коррупции во всем мире. В основе индекса коррупции ТИ лежит взвешенное среднее значение результатов порядка десяти обследований с различным охватом[115]. Ранжирование стран производится на основе оценок, выставляемых по десятибальной шкале.

Будучи продуктом обследования результатов обследований индекс ТИ имеет свои преимущества и свои недостатки. Если ошибки измерения в различных обследованиях являются независимыми и распределяются равномерно (*нрр*), то процесс усреднения, используемый для получения индекса ТИ, может сократить влияние ошибок измерения. Но предположение *нрр* может и не срабатывать. Кроме того, поскольку различными обследованиями охватываются разные поднаборы страны, процесс усреднения может привносить новые ошибки измерения при выведении относительных оценок по различным странам. Следует также отметить, что, поскольку в разные годы показатели ТИ составляются на основе результатов потенциально разных наборов обследований, их не следует использовать для определения динамики уровня коррупции в той или иной конкретной стране.

Недавно Кауфманн, Крэй и Зойдо-Лобатон[116] применили комплексную основу с использованием нерегистрируемой компоненты для выведения агрегированного индекса эффективности управления (или уровня коррупции), который объединяет в себе ряд отдельных субъективных показателей (включая индексы МССР, ДМР и ДМК). Этот подход выгодно отличается тем, что он позволяет получить индекс, обладающий более широким охватом стран по сравнению с любым другим отдельным индексом, и является более обоснованным в статистическом плане, чем метод, используемый организацией "Транспаренси интернэшнл".

iv) Рейтинги коррупции на основе более "объективных" и "конкретных" данных

Все вышеуказанные показатели основаны на субъективных суждениях респондентов. Более "объективным" способом измерения уровня коррупции могла бы быть количественная оценка той доли деловых операций в стране, которая сопровождается взяточничеством со стороны государственных чиновников. Сделать это заведомо нелегко: в любой стране найдется очень немного представителей деловых кругов, которые согласились бы признать, что они дают взятки местным чиновникам, поскольку в большинстве стран это является преступлением (даже несмотря на широкую распространенность взяточничества). Единственный пример, который мне удалось найти, я бы назвал индексом Нойманна[117]. В его основу положена информация, которая была собрана Петером Нойманном в 1994 году для немецкого издания *"Impulse"* на основе опроса представителей деловых кругов (в основном немецких экспортеров), обладающих опытом работы в зарубежных странах. По каждой импортирующей зарубежной стране он опрашивал в среднем по десять человек (но не менее трех) с гарантией соблюдения строгой конфиденциальности. Показатель указывает долю сделок, сопровождающихся дачей взятки. (Цифры, по-видимому, округляются до ближайших 20 процентов.) Следует отметить, что на момент опроса в Германии дача взяток иностранным государственным чиновникам немецкими бизнесменами не считалась

---

[115] Точное количество базовых обследований каждый год меняется, но имеет общую тенденцию к увеличению.

[116] D. Kaufmann, A. Kray and P. Zoido-Lobaton, *Aggregating Governance Indicators,* World Bank Working Paper, No. 2195 (Washington, D.C.), 1999.

[117] Впервые он был использован в публикации A. Ades and R. Di Tella, "National champions and corruption: some unpleasant interventionist arithmetic", *The Economic Journal,* Vol. 107, No. 443, pp. 1023-1042, July 1997.

ТАБЛИЦА 4.2.1

Показатели коррупции в европейских странах с переходной экономикой и СНГ

	ДМР 1997	*ТИ 1999*	*Показатель Нойманна*
Албания	..	8,7	..
Азербайджан	4,6	9,3	6
Беларусь	4,2	7,6	4
Болгария	4,6	7,7	4
Хорватия	..	8,3	4
Чешская Республика	2,8	6,4	4
Эстония	2,2	5,3	2
Грузия	4,2	8,7	4
Венгрия	2,6	5,8	6
Казахстан	4,3	8,7	4
Латвия	3,9	7,6	4
Литва	3,3	7,2	–
Польша	3,1	6,8	4
Республика Молдова	4,2	8,4	..
Румыния	..	7,7	6
Российская Федерация	3,8	8,6	8
Словакия	4,1	7,3	4
Словения	..	5,0	2
Бывшая югославская Республика Македония	3,1	..	8
Туркменистан	..	..	4
Украина	3,4	8,4	4
Узбекистан	4,4	9,2	4
В среднем	3,7	7,6	4,3

Источник: Доклад о мировом развитии (ДМР), "Транспаренси интернэшнл" (ТИ) и индексы Нойманна.

преступлением. Впоследствии таких опросов, к сожалению, больше не проводилось.

В качестве примера в таблице 4.2.1 приводятся показатели коррупции по европейским странам с переходной экономикой из трех источников (индексы ДМР, ТИ и Нойманна). Большинство других оценок, таких как индекс ДМК, обладают весьма слабым охватом стран с переходной экономикой. (В изначальных индексах ДМР и ТИ более высокие значения соответствовали более низким уровням коррупции. Во избежание путаницы в толковании я преобразовал все показатели в таблице 4.2.1 таким образом, что более низкие значения соответствуют более низким уровням коррупции.)

Следует учитывать, что индексы ДМР и ТИ основаны не на объективных измерениях уровня коррупции, а на субъективном восприятии, которое может расходиться с реальностью. Вместе с тем стоит отметить два момента. Во-первых, для многих вопросов, например, относительно того, каким образом коррупция влияет на иностранные инвестиции, – субъективное восприятие, а значит, очевидно, и наш показатель – это именно то, что действительно имеет значение. Во-вторых, несмотря на разнородность источников обследований, попарные сопоставления этих субъективных индексов, а также этих показателей с более "объективным" индексом Нойманна обнаруживают очень высокую степень корреляции.

4.3 Коррупция и экономический рост

Коррупция может оказывать влияние на темпы роста экономики посредством влияния на национальные и иностранные инвестиции, а также по другим каналам. Кроме того, она может также влиять на качество экономического роста. Подтверждения этих заявлений разбираются ниже.

i) Темпы экономического роста

Согласно исследованию Мауро[118], в межстрановой регрессии отношения совокупного объема инвестиций к ВВП, усредненного за период 1980–1985 годов, по константе и индексу отсутствия коррупции точечное значение углового коэффициента составляет 0,012. Это говорит о том, что инвестиции и коррупция имеют обратную зависимость. Количественное влияние коррупции можно проиллюстрировать на примере простого расчета с использованием вышеуказанного точечного значения и показателей коррупции. К сожалению, в силу того, что большинство стран с переходной экономикой не входят в выборку Мауро, для иллюстрации приходится использовать страны из других регионов. Если, скажем, Филиппины при прочих равных условиях могли бы снизить свой уровень коррупции до уровня Сингапура, то отношение объема инвестиций к ВВП можно было бы повысить на 6,6 процентных пункта [= (6,5 – 1) × 0,012]. Это довольно существенное повышение инвестиционного показателя.

В исследовании Вэя[119] на базе набора данных о двусторонних потоках прямых иностранных инвестиций в начале 90-х годов из 14 основных стран базирования в 41 принимающую страну было изучено влияние коррупции на способность принимающих стран привлекать иностранные инвестиции. Автор использовал модифицированную модель Тобита[120], в которой учитывается тот факт, что некоторые принимающие страны вообще вряд ли привлекают какие-либо ПИИ из определенных стран базирования инвесторов. Учитывая масштабы и уровень развития принимающей страны, а также исторические/языковые связи и географическую близость между страной базирования инвесторов и принимающей страной, он пришел к выводу, что корреляция уровня коррупции в странах-получателях и объема иностранных инвестиций является отрицательной (коэффициенты для уровня коррупции и налогообложения в принимающей стране составляют, соответственно, – 0,09 и –1,92). Принимая эти точечные значения за реальные и используя рейтинги коррупции, приведенные в таблице 4.2.1, можно сказать, что усиление коррупции с уровня Сингапура до уровня

---

118 P. Mauro, "Corruption and growth", *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 110, No. 3, August 1995, p. 696, table IV.

119 S.-J. Wei, *Why is Corruption So Much More Taxing Than Tax? Arbitrariness Kills*, NBER Working Paper, No. 6255 (Cambridge, MA), November 1997.

120 Там же, подробности см. в добавлении.

Индии равносильно повышению предельной налоговой ставки более чем на 20 процентных пунктов.

Для привлечения транснациональных фирм многие страны с переходной экономикой и развивающиеся страны используют серьезные налоговые стимулы. Например, Китай предлагает всем фирмам, использующим иностранные инвестиции, освобождение от налогов в течение первых двух лет и сокращение обычной ставки налогообложения наполовину в течение последующего трехгодичного периода. Согласно вышеуказанному исследованию такие страны привлекли бы точно столько же или даже больше иностранных инвестиций безо всякой необходимости применения налоговых стимулов, если бы им удалось поставить под контроль национальную коррупцию.

Так, Вэй указывает, что вопреки представлению, которое может сложиться при поверхностном чтении газетных новостей, Китай не получает того объема прямых инвестиций, который он мог бы получать со стороны пяти основных стран-инвесторов (Германия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Франция и Япония), если учесть его размеры, близость к некоторым странам-инвесторам и другие факторы. Он высказывает предположение, что это вполне может объясняться высоким уровнем коррупции в Китае[121].

Если коррупция имеет отрицательную связь с внутренними капиталовложениями и ведет к сокращению иностранных инвестиций, то можно было бы предположить, что она обратно пропорциональна и темпам экономического роста. Мауро изучил вопрос о влиянии коррупции на условные темпы роста (то есть темпы роста с учетом исходных рубежей и численности населения страны на основе использования модели межстранового регрессионного анализа темпов роста типа Солоу-Барро) и пришел к заключению, что данные действительно говорят о наличии такой связи.

В порядке иллюстрации количественного эффекта возьмем точечную оценку в колонке 6 таблицы VII исследования Мауро. Если бы Бангладеш удалось сократить свой уровень коррупции до уровня Сингапура, то ее среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения за период 1960–1985 годов были бы выше на 1,8 процентного пункта. Если предположить, что реальные темпы роста указанной страны составляли в среднем 4 процента в год, то уровень дохода на душу населения к 1985 году мог бы быть выше на 50 процентов[122]. В случае применения подхода, построенного на использовании вспомогательной переменной (где для анализа влияния коррупции дополнительно используется показатель этнолингвистической неоднородности), как это имеет место в графе 8 таблицы VII исследования Мауро, влияние коррупции на темпы роста будет еще более серьезным, хотя на 15-процентом уровне результат является практически незначительным.

Обременительность коррупции

Почему коррупция столь пагубна для экономической деятельности по сравнению с эквивалентной налоговой системой? Ответ на этот вопрос кроется в характере коррупции. В отличие от налога она заведомо является скрытой и незаконной. Выполнение подразумеваемого договора между взяткодателем и взяточником не может быть гарантировано надежной судебной системой. Согласно теории Шлейфера и Вишни[123], страны с более дезорганизованной системой коррупции имеют особо неблагоприятные перспективы экономического роста. Исследование Вэя[124] показывает, что при постоянном уровне коррупции страны с более дезорганизованной структурой коррупции – что определяется по разбросу оценок уровня коррупции, данных респондентами, – получают значительно меньше прямых иностранных инвестиций.

Осторожность, проявляемая чиновниками, и, соответственно, неопределенность, с которой сталкиваются фирмы и частные лица, являются важнейшими атрибутами коррупции. Именно поэтому взятки в коррумпированном обществе и гонорары, уплачиваемые адвокатам в обществе, являющемся относительно честным, – это отнюдь не одно и то же.

ii) Ситуация на уровне фирм

Большинство исследований, рассматриваемых в настоящем разделе, построены на межстрановых регрессиях. Важно подчеркнуть, что существенные показатели в этих регрессионных анализах свидетельствуют о наличии связи между уровнем коррупции и другими переменными (такими как темпы экономического роста, объем инвестиций и структура государственных расходов), однако они необязательно говорят о том, что коррупция является причиной их варьирования. На основе вышеизложенного можно утверждать, что изменения в уровне коррупции (особенно в субъективном восприятии ее уровня) могут быть *следствием* изменений уровня дохода, объема инвестиций и т. д. Кроме того, позитивные факторы зачастую действуют в комплексе. Вполне возможно, что причиной увеличения объема инвестиций и доходов является и что-то другое, и это может быть связано с коррупцией, даже если коррупция и не вызывает изменения объема инвестиций или доходов. При иллюстрации результатов других исследований я

---

121 S.-J. Wei, "Why does China attract so little foreign direct investment?", в издании T. Ito and A. Krueger (eds.), *The Role of Foreign Direct Investment in East Asian Economic Development* (Chicago, University of Chicago Press, 2000).

122 Если взять более низкий показатель реальных темпов роста (например, 3 процента в год), то снижение уровня коррупции позволило бы добиться еще большего повышения дохода на душу населения в 1985 году.

123 A. Shleifer and R. Vishny, "Corruption", *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 108, No. 3, August 1993, pp. 599-617.

124 S.-J. Wei, *Why the Corruption..*, op. cit.

приводил следующее умозрительное заключение: "Если в стране X уровень коррупции снизить до уровня Сингапура, то значение переменной Y повысится на Z процентов". Но можно ведь и сказать, что в равной степени право на существование имеет и утверждение, что "если значение переменной Y (например, уровень дохода) повысится на Z процентов, то уровень коррупции в стране X мог бы снизиться до уровня Сингапура".

В основе некоторых из рассматриваемых исследований лежит метод регрессии с использованием вспомогательных переменных. Например, Мауро[125] в качестве вспомогательного средства для измерения уровня коррупции использовал показатель этнолингвистической неоднородности (это конкретное средство использовалось также во многих последующих исследованиях) и показал, что коррупция, варьирующаяся в зависимости от значения этой переменной, оказывает негативное влияние на экономический рост. Это шаг вперед в деле установления причинно-следственной связи. Однако действительность причинного влияния зависит от действительности вспомогательных средств. Так, этнолингвистическая неоднородность может замедлять темпы роста по причинам, не связанным с коррупцией, например, в силу повышения риска этнических конфликтов и гражданской войны. В этом случае наличие связей между этнолингвистической неоднородностью и экономическим ростом не являлось бы свидетельством того, что коррупция замедляет темпы роста.

Для установления причинно-следственной связи между взаимозависимыми факторами, связанными с коррупцией, межстрановые регрессии было бы очень полезно дополнить некоторыми исследованиями конкретных примеров, в которых определенные детерминанты коррупции подвергаются отдельным изменениям. Например, время от времени в некоторых странах могут происходить "экзогенные" смены режима, такие как свержение демократического правительства в результате военного переворота или, наоборот, становление новой демократии после ликвидации прежней диктатуры. Если предположить, что в результате своего экзогенного воздействия эти изменения должны расширить или сократить масштабы коррупции, то изучение темпов роста, объема инвестиций или других интересующих нас переменных до и после смены режима может дать полезную информацию о влиянии изменений уровня коррупции.

Помимо вопроса о направленности причинно-следственной связи следует также отметить, что в большинстве стран важнейшие атрибуты государственного управления и публичных институтов (например, законность, сила гражданских ассоциаций, свобода печати, уровень образования гражданских служащих и коррупция) зачастую связаны между собой. Это еще больше затрудняет, а то и вообще исключает возможность решения проблемы отдельного изучения влияния коррупции.

Исследования, рассматривавшиеся до сих пор, основываются, главным образом, на наблюдениях национального уровня и межстрановых регрессиях[126]. Как это было только что отмечено, задача отделения влияния коррупции от других атрибутов, присущих публичным институтам, и определения направленности причинно-следственной зависимости в рамках межстрановых регрессионных анализов является довольно сложной.

Имеющиеся факты вполне определенно свидетельствуют о том, что внутренние капиталовложения, иностранные инвестиции и темпы экономического роста в более коррумпированных странах являются более низкими, но вместе с тем по-прежнему бытуют мнения и о благотворной роли взяточничества. В частности, некоторые утверждают, что взятки зачастую выступают в роли своего рода "смазки", облегчающей вращение шестерен торговли. В стране с неэффективной и громоздкой системой нормативного регулирования дача взяток для уклонения от неэффективного государственного контроля играет дерегулирующую роль и поэтому может оцениваться позитивно.

Согласно Кауфманну и Вэю[127], это мнение справедливо лишь в очень узком смысле, когда неэффективная система нормативного регулирования и домогательства чиновников рассматриваются как экзогенные факторы. Чиновники зачастую обладают широким арсеналом средств для выбора конкретных рычагов давления на отдельные фирмы. Налоговые инспекторы могут иметь возможность завышать сумму облагаемого дохода[128]. Инспекторы пожарной охраны могут сами решать, как часто они будут проводить инспекции пожарной безопасности в течение каждого конкретного года. С учетом этих обстоятельств Кауфманн и Вэй составили простую модель, в которой бюрократы создают проволочки и бюрократические преграды для вымогания взяток и прекращают это только тогда, когда фирмы начинают уходить с рынка (прекращают инвестиционную деятельность или бегут в другие страны). Кроме того, альтернативные возможности, имеющиеся в распоряжении фирм, зависят либо от характеристик их сферы деятельности, либо от типа инвестиций (иностранные или внутренние). В этом случае они показывают, что взяточничество на уровне фирм напрямую зависит не только от официальной волокиты, закрепленной

[125] P. Mauro, "Corruption and growth", loc. cit., pp. 681-712.

[126] B. Smarzynska and S.-J. Wei, *Corruption and Composition of Foreign Direct Investment: Firm-level Evidence,* NBER Working Paper, No. 7969 (Cambridge, MA), October 2000.

[127] D. Kaufmann and S.-J. Wei, *Does "Grease Money" Speed Up the Wheels of Commerce?* NBER Working Paper, No. 7093 (Cambridge, MA), April 1999 (опубликовано также в издании World Bank Policy Research Working Paper, No. 2254).

[128] J. Hindriks, M. Keen and A. Muthoo, "Corruption, extortion and evasion", Facultes Notre-Dames de la Paix (Belgium), University of Essex (Colchester) and Institute for Fiscal Studies (London), mimeo, 1998 (first version, July 1996).

нормативными положениями, но и, возможно, от волокиты *фактической* (например, объема времени, затрачиваемого на получение того или иного разрешения после дачи взятки). Нельзя сказать, что взяточничество ведет к росту волокиты – скорее масштабы взяточничества и волокиты одновременно определяются одним и тем же набором характеристик конкретных фирм.

Используя данные обследования порядка 2400 фирм в 58 странах, Кауфманн и Вэй показывают, что даже в пределах одной страны управляющие фирм, которые дают взятки, в среднем затрачивают не меньше, а больше времени на переговоры с правительственными чиновниками. Этот факт подтверждает идею "целенаправленного домогательства" и "эндогенных препятствий" и тем самым опровергает гипотезу полезной "смазки". Важно подчеркнуть, что факты ничего не говорят о том, что отдельные фирмы могли бы выиграть, отказавшись от дачи взяток. Они не могут сделать этого в существующих условиях. Вместе с тем коллективно все фирмы могут выиграть, если будет существовать экзогенный фактор, ограничивающий способность всех фирм давать взятки. Так, например, Конвенция ОЭСР о борьбе со взяточничеством в сфере международных сделок, которая вступила в силу в феврале 1999 года, может сократить не только масштабы взяточничества, но и уровень бюрократической волокиты.

Одна из слабостей исследования Кауфманна и Вэя состоит в том, что заключения относительно взяточничества "выводятся" из ответов респондентов на вопрос относительно их восприятия уровня коррупции. Свенссон[129] существенно раздвигает рамки этого исследования, используя метод прямого измерения масштабов взяточничества на уровне фирм в Уганде. Он показал, что взятки напрямую связаны с уровнем прибыли конкретных фирм (который может зависеть от особенностей сферы деятельности и местоположения) и обратно пропорциональны степени необратимости инвестиций. Оба эти заключения согласуются с предположением о том, что домогательства и требование взяток связаны с базовыми характеристиками фирм, и, соответственно, опровергают гипотезу "действенной смазки".

Используя те же наблюдения на уровне отдельных фирм в Уганде, Фисман и Свенссон[130] заново рассмотрели вопрос, затронутый Вэем[131]. Они пришли к заключению, что повышение уровня взяточничества ведет к снижению темпов роста фирм в объеме, приблизительно в три раза большем, чем эквивалентное повышение ставок налогообложения.

iii) Качество экономического роста

Помимо снижения темпов экономического роста коррупция способна оказывать негативное влияние и на его качество, поскольку она может вести к нерациональному распределению ресурсов. Если банковские ссуды и средства государственных инвестиционных фондов выделяются на основе личных связей, а не компетентности управляющих фирм, они могут направляться на проекты с неоправданно более высокой степенью риска (причем необязательно с более высоким уровнем отдачи). Так, Вэй и Чжан[132] пришли к заключению, что страны с более серьезными проблемами коррупции чаще всего имеют более нестабильные показатели доли инвестиций в ВВП и более нестабильные показатели темпов роста.

Аналогичным образом, коррупция может также отвлекать государственные ассигнования из социально приоритетных секторов, таких как образование и здравоохранение, и перенаправлять их в те отрасли, которые открывают более широкие возможности для получения взяток, например, в сферу приобретения оружия. Танзи и Давуди[133] провели систематизированное исследование по вопросу о влиянии коррупции на государственные финансы. Был сделан ряд важных выводов:

- коррупция, как правило, ведет к увеличению масштабов государственных капиталовложений (в ущерб частным инвестициям), поскольку многие статьи государственных расходов допускают махинации со стороны высокопоставленных чиновников, стремящихся к получению взяток. (Следует отметить, что причинно-следственная связь может быть обратной, то есть увеличение государственных расходов может вести к появлению более широких возможностей для коррупции);
- коррупция деформирует структуру государственных расходов, сокращая долю расходов на ремонт и эксплуатацию и повышая объем затрат на новое оборудование[134];
- коррупция деформирует структуру государственных расходов, отвлекая необходимые средства из сферы здравоохранения и образования, поскольку по сравнению с другими направлениями

---

[129] J. Svensson, *Who Must Pay Bribes and How Much? Evidence from a Cross-section of Firms*, World Bank Working Paper, No. 2486 (Washington, D.C.), 1999.

[130] R. Fisman and J. Svensson, "The effects of corruption and taxation on growth: firm level evidence", Columbia Business School and the World Bank, mimeo, 1999.

[131] S.-J. Wei, *Why is Corruption…*, op. cit. и "How taxing is corruption on international investors?", *Review of Economics and Statistics,* Vol. 82, No. 1, February 2000, pp. 1-11.

[132] S.-J. Wei and L. Zang, "Crony capitalism and volatility of business cycles", Brookings Institution, mimeo, 2001. См. также S.-J. Wei and R. Zeckhauser, "Dark deals and dampened destines: corruption and economic performance", *Japan and the World Economy,* 1999.

[133] V. Tanzi and H. Davoodi, *Corruption, Public Investment and Growth,* IMF Working Paper WP/97/139 (Washington, D.C.), October 1997. См. также S. Gupta, H. Davoodi and R. Alonso-Terme, *Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty?*, IMF Working Paper WP/98/76 (Washington, D.C.), May 1998.

[134] По этому вопросу см. также R. Klitgaard, *Tropical Gangsters* (New York, Basic Books, 1990).

государственного финансирования в этих областях чиновникам труднее брать взятки[135];

- коррупция ведет к снижению отдачи государственных капиталовложений и рентабельности национальной инфраструктуры;
- коррупция может быть причиной сокращения налоговых поступлений, поскольку она ограничивает способность правительства взимать налоги и пошлины, хотя конкретная степень ее влияния зависит от конкретных вариантов номинального налогообложения и регулирования, избираемых коррумпированными чиновниками[136].

В порядке практической иллюстрации некоторых выводов Танзи–Давуди рассмотрим влияние изменения уровня коррупции на ряд показателей, усредненных за период 1980–1995 годов. Рост коррупции с уровня Сингапура до уровня Пакистана влечет за собой повышение отношения государственных расходов к объему ВВП на 1,6 процентного пункта (вторая колонка таблицы 1 в исследовании Танзи–Давуди) и сокращение отношения бюджетных поступлений к объему ВВП на 10 процентных пунктов (вторая колонка таблицы того же исследования).

Повышение уровня коррупции ведет к снижению качества дорог и учащению перебоев с подачей электроэнергии, нарушению функционирования систем связи и нерациональному использованию водных ресурсов. В частности, рост коррупции с уровня Сингапура до уровня Пакистана при неизменном уровне развития страны и отношения объема ее государственных инвестиций к ВВП предполагал бы 15-процентное увеличение объема автодорожной сети, находящейся в неудовлетворительном состоянии (вторая колонка таблицы 5 в исследовании Танзи–Давуди).

4.4 Коррупция в условиях глобализации

Мировая экономика приобретает все более глобальный характер. Это не просто избитая фраза, а реальный факт. Имеется ряд свидетельств, говорящих о том, что глобализация углубляет разрыв между странами с эффективной системой управления и странами, которые сталкиваются с серьезными проблемами коррупции. Выгодами от глобализации, такими как прямые иностранные инвестиции и сопутствующая им передача технологий и управленческих ноу-хау, пользуются в основном менее коррумпированные страны. С другой стороны, факторы риска, сопутствующие глобализации, например, неустойчивость международных потоков капитала и связанные с этим валютные и финансовые кризисы, создают бóльшую угрозу для тех стран, где проблемы коррупции стоят весьма остро. Таким образом, по мере углубления процесса глобализации проблема борьбы с коррупцией приобретает все бóльшую актуальность[137].

i) Коррупция уменьшает выгоды от глобализации: конкретный пример стран с переходной экономикой

Основной канал, по которому выгоды от глобализации распространяются на развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, – это приток прямых иностранных инвестиций. В предыдущем разделе уже рассматривалось исследование, посвященное вопросу о том, каким образом коррупция сокращает приток ПИИ, и основанное на данных о двусторонних ПИИ[138]. Совсем недавно было подготовлено микроисследование по вопросу о коррупции и ПИИ, конкретно ориентированное на европейские страны с переходной экономикой[139]. Некоторые элементы этого исследования заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Во-первых, исследование охватывает сравнительно большое число стран с переходной экономикой (в общей сложности 22 страны). Во-вторых, в нем используется уникальный набор данных о ПИИ на уровне фирм, основанный на результатах обследования, проведенного в 1995 году Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). Исследования на уровне фирм, как правило, весьма редки по той очевидной причине, что данные уровня отдельных фирм труднее собрать. В-третьих, в документе одновременно рассматриваются два вопроса: первый – ведет ли коррупция к сокращению общего объема ПИИ в странах с переходной экономикой? – это можно назвать "объемное влияние"; и второй – ведет ли коррупция в странах восточной Европы и бывших советских республиках к изменению способа проникновения мультинациональных фирм на внутренний рынок? – это можно назвать "структурное влияние".

Статистический анализ говорит о наличии мощного "объемного влияния": более коррумпированным странам с переходной экономикой (таким, как Азербайджан или Узбекистан) значительно

---

135 В работе P. Mauro, "The effects of corruption growth, investment and government expenditure: a cross-country analysis", опубликованной в издании K. Elliot (ed.), *Corruption and the Global Economy* (Washington, D.C., Institute for International Economics, 1997), также сделан вывод, что коррупция ведет к сокращению государственных расходов на цели здравоохранения и образования, поскольку в этих областях имеется меньше возможностей для получения взяток, чем в других секторах.

136 D. Kaufmann and S.-J. Wei, op. cit. См. также S. Johnson, D. Kaufmann and A. Shleifer, "The unofficial economy in transition", *Brookings Papers on Economic Activity,* 2 (Washington, D.C.), Fall 1997, pp. 159-239; S. Johnson, D. Kaufmann and P. Zoido-Lobaton, "Regulatory discretion and the unofficial economy", *American Economic Review,* Vol. 88, No. 2, May 1998, pp. 387-392.

137 Краткую аргументацию см. в работе S.-J. Wei, "Corruption and globalization", Brookings Institution, *Brookings Brief,* No. 79, April 2001 (www.brook.edu).

138 S.-J. Wei, "How taxing is corruption on international investors?', *Review of Economics and Statistics,* Vol. 82, No. 1, February 2000, pp. 1-11.

139 B. Smarzynska and S.-J. Wei, op. cit.

меньше удается привлекать прямые иностранные инвестиции, чем странам с более низким уровнем коррупции (таким, как Чешская Республика или Эстония). При этом следует учитывать влияние масштабов принимающей страны, стоимости рабочей силы, ставок налогообложения, степени открытости торговли и других факторов.

Кроме того, немало фактов свидетельствуют и о наличии небезынтересного "структурного влияния": когда иностранная фирма принимает решение начать деятельность в стране с переходной экономикой, вопрос о том, будет ли она организовывать совместное предприятие с местным партнером или сохранит полный контроль над собственностью, будет решаться в зависимости от уровня местной коррупции, а также от уровня технологического потенциала инвестирующей фирмы. Коррупция снижает уровень транспарентности деловых операций в стране и взаимодействия между государственными властями и деловым сектором. Местный партнер может помочь иностранной фирме в получении местных лицензий и разрешений, а также в урегулировании с меньшими затратами других вопросов в хитросплетениях бюрократической машины. Таким образом, в принимающей стране с более серьезными масштабами коррупции иностранной фирме, при прочих равных условиях, может быть более выгодно использовать местного партнера. Это подтверждается конкретными данными.

С другой стороны, иностранную фирму с высоким уровнем технологического потенциала может волновать проблема возможной утечки технологий через местного партнера. Это может привести к сокращению прибылей иностранной фирмы даже на рынках третьих стран. В коррумпированной принимающей стране существует меньше вероятности того, что в случае незаконной утечки технологии через местного партнера иностранная фирма получит надлежащую защиту со стороны местной судебной системы. Поэтому при прочих равных условиях иностранная фирма с более высоким уровнем технического потенциала меньше заинтересована в развертывании инвестиционной деятельности в более коррумпированной принимающей стране, а если она и будет делать это, то она, скорее всего, предпочтет полностью самостоятельный режим функционирования.

ii) Коррупция усиливает факторы риска, связанные с глобализацией

В качестве одной из возможных причин валютного кризиса на вновь формирующихся рынках в 1997–1998 годах порой указывают такое явление, как "клановый капитализм", однако систематизированных свидетельств, подтверждающих это, обычно не приводится. Вместе с тем было показано[140], что коррупция зачастую оказывает влияние на структуру потоков капитала в страну и делает ее более зависимой от международных банковских кредитов, снижая роль прямых иностранных инвестиций. Такая структура повышает уязвимость страны по отношению к валютным кризисам, возникающим в результате внезапного изменения в настроениях международных инвесторов. Итак, это один из возможных каналов, по которым коррупция может повышать уязвимость страны перед лицом финансовых кризисов.

Коррупция может повышать вероятность финансовых кризисов и по другим каналам. Недавний кризис продемонстрировал слабость финансового сектора во многих странах. Может ли это быть связано с коррупцией? Коррупция может затенять значение и надежность открыто публикуемых финансовых показателей, и, кроме того, как это уже отмечалось, отвлекать финансовые ресурсы от наиболее эффективного использования с перекачкой их эффективным, но обладающим прочными политическими связями фирмам.

На основе тщательно подобранного набора данных, позволяющего определить степень прочности связей индонезийских фирм с Сухарно и его семьей, было показано[141], что котировки акций фирм, имеющих прочные политические связи, резко шли вниз всякий раз, когда появлялись слухи об ухудшении состояния здоровья Сухарно. Это говорит о том, что рынок не верит в обоснованность предоставления ресурсов этим фирмам и считает, что их чрезмерные прибыли обусловлены политическими связями. Данные обследования ДМК за 1997 год[142] свидетельствуют о наличии четкой зависимости: для стран с более высоким уровнем коррупции в большей степени присущи такие явления, как неудовлетворительный государственный контроль над финансовой системой и уязвимость банков. Имеются также факты, свидетельствующие о том, что странам с более высоким уровнем коррупции свойственны более нестабильные показатели прибыли на акционерный капитал, более широкий размах "инсайдерских" операций и более узкие рынки капитала[143].

4.5 Борьба с коррупцией: возможные меры

В силу того, что в уголовном законодательстве большинства стран коррупция квалифицируется как преступление, всякий раз, когда речь заходит о борьбе с коррупцией, в первую очередь обычно говорят о роли правоприменительных мер. Важное значение норм права и обеспечения их соблюдения не вызывает

---

140 S.-J. Wei, "Local corruption and global capital flows", *Brookings Papers on Economic Activity*, 2 (Washington, D.C.), 2000, pp. 303-354: S.-J. Wei and Y. Wu, *Negative Alchemy? Corruption, Composition of Capital Flows and Currency Crises,* NBER Working Paper, No. 8187 (Cambridge, MA), March 2001.

141 R. Fisman, "It's not what you know… estimating the value of political connections", Columbia Business School, mimeo, 1998.

142 S.-J. Wei and S. Sievers, "The cost of crony capitalism", *The Asian Competitiveness Report 1999.* World Economic Forum (Geneva), 1999, pp. 50-55.

143 J. Du and S.-J. Wei, "Crony capitalism and financial market volatility", Harvard University, mimeo, 2000.

никаких сомнений, но вместе с тем следует подчеркнуть, что не менее важно уделить внимание первопричинам коррупции, организационной структуре существующих институтов и системе стимулов, подпитывающих коррупцию.

Для того чтобы оценить эффективность стратегии борьбы с коррупцией, важно признать, что процветание коррупции в экономике той или иной страны является производным сочетания определенных возможностей и стимулов. Одним из частных примеров для этого общего принципа можно считать краткую формулу Роберта Клитгаарда[144] "коррупция = монополия + дискреционные полномочия – отчетность". Поэтому для эффективного сокращения масштабов коррупции необходимо уделить внимание и тем возможностям, на базе которых процветает коррупция, и тем стимулам, которые ее подпитывают. К числу возможностей относятся роль государства в экономике страны и степень способности гражданского общества контролировать действия государственных чиновников. Стимулы же могут быть как "позитивными" – например, ставки жалования гражданских служащих и характер процедур их найма, так и "негативными" – например, степень строгости и вероятность наказания за действия, квалифицируемые как коррупция.

i) Возможности, связанные с ролью государства в экономике страны

Ни на минуту не ставя под сомнение необходимость обеспечения того, чтобы на государственные посты назначались лишь люди с высокими моральными качествами, экономисты неустанно отмечают важное значение максимального ограничения тех официальных возможностей, которые позволяют чиновникам брать взятки. Чем больше полномочий имеют государственные чиновники в вопросах, касающихся деловой сферы или жизни граждан, тем выше – при прочих равных условиях – вероятность появления и процветания коррупции. Если хитросплетения нормативных положений служат питательной средой для чиновничьего мздоимства, то национальная экономика с минимальным уровнем государственного вмешательства в меньшей степени подвержена бациллам коррупции.

Это почти элементарно. Если фирма должна получить лицензию и уплатить пошлину, прежде чем импортировать определенный товар из-за рубежа, то чиновники, наделенные правом решать, кто получит освобождение от получения лицензии и уплаты пошлины, имеют возможность вымогать взятки. Если лицензии или пошлины не требуется, то ни одна фирма не будет давать взятки для импортирования товара.

В блестящем исследовании Танзи[145] приводится ряд конкретных примеров того, когда может возникнуть возможность для появления коррупции в результате (чрезмерного) государственного регулирования. Так, в случае налогообложения, чем сложнее положения законов, тем выше вероятность коррупции, и чем больше полномочий дано налоговым властям в вопросах предоставления налоговых стимулов, определения размера задолженностей по налоговым платежам и выбора методики проведения ревизий и урегулирования споров, тем больше вероятность того, что в этой области будет коррупция.

Масштабы государственных ассигнований и процедуры их распределения также оказывают существенное влияние на появление возможностей для коррупции. Кроме того, если правительство применяет практику субсидируемых цен на определенные товары и услуги, например, иностранную валюту, кредиты, государственное жилье, возможности в сфере образования или водо- и электроснабжение, то чиновники, наделенные полномочиями принимать соответствующие решения, имеют возможность класть себе в карман часть предполагаемой субсидии (то есть разницы между рыночной стоимостью товаров или услуг и ценой, установленной государством) в форме взяток, взимаемых с получателей субсидируемых товаров или услуг. И исследование Мауро[146], и работа Кауфманна и Вэя[147] показывают, что показатели коррупции имеют прямую связь с уровнем государственного регулирования.

Среди европейских стран с переходной экономикой некоторые страны проводят более активную экономическую политику, чем другие. Такая политика уже по определению предполагает, что государственные чиновники наделены полномочиями решать вопросы, касающиеся того, какой отрасли будет оказана поддержка, какие фирмы в этой отрасли получат поддержку, как будут распределяться льготные кредиты, ссуды, тарифные скидки и т. д. Было отмечено, что, логически рассуждая, экономическая политика может стимулировать не только инвестиции, но и коррупцию[148]. На основе индексов коррупции и экономической политики в ряде стран было показано, что в странах с более активной экономической политикой коррупция действительно выше[149]. Негативное влияние коррупции, связанной с проведением экономической политики, является весьма значительным (очевидно, порядка 56–84 процентов непосредственного положительного эффекта), поэтому о нем ни в коем случае нельзя забывать при проведении любого анализа экономической эффективности той или иной политики.

В исследовании Гатти подтверждено, что для стран с более открытой экономикой свойственны более

---

144 R. Klitgaard, op. cit.

145 V. Tanzi, *Corruption Around the World…*, op. cit.

146 P. Mauro, "Corruption and growth", loc. cit., pp. 681-712.

147 D. Kaufmann and S.-J. Wei, op. cit.

148 A. Ades and R. Di Tella, "National champions and corruption: …", loc. cit.

149 Ibid.

низкие уровни коррупции[150]. Кроме того, автор показывает, что если доля импорта в общем объеме ВВП не является показательной переменной, оказывающей существенное влияние на уровень коррупции (с учетом других переменных, включая численность населения), то средний уровень тарифных ставок относится к числу таковых. Гатти расценивает это как свидетельство того, что более важное значение для развития коррупции имеет не отсутствие иностранной конкуренции, а скорее перекос в проводимой политике. Один из вопросов, требующих дополнительного изучения, состоит в том, не устанавливаются ли высокие тарифы именно для того, чтобы вымогать взятки (а отнюдь не являются экзогенной причиной коррупции). Некоторые модели позволяют говорить, что это вполне возможно[151].

В работе Свенссона приводятся свидетельства того, что в некоторых странах, получающих щедрую иностранную помощь (которая обусловлена геополитическими причинами), отмечается тенденция к повышению уровня коррупции[152]. В результате этого экономическое положение людей в этих странах может нисколько не улучшаться (и даже ухудшаться).

На основе информации, касающейся европейских стран с переходной экономикой, в одном из недавно подготовленных документов[153] высказывается предположение, что наилучшим объяснением различий в уровнях коррупции между странами с переходной экономикой является показатель степени глубины структурной реформы – сочетания стратегий в области приватизации, либерализации цен и финансового сектора, а также конкуренции.

Прежде чем завершить этот подраздел, следует отметить, что, хотя сокращение объема дискреционных полномочий, предоставляемых государственным чиновникам, и ведет к сокращению масштабов коррупции, мы отнюдь не ратует за упразднение всех регулирующих механизмов. Многие из них, а в определенной степени даже – дискреционные полномочия чиновников, выполняют полезные функции в обществе. Главное состоит в том, что при разработке механизмов государственного регулирования следует помнить о возможностях появления коррупции.

ii) Система найма гражданских служащих и их продвижения по службе

Другим очень важным фактором, определяющим масштабы коррупции в стране, является моральный облик и компетентность государственных чиновников. Уровень компетенции чиновников, в свою очередь, тесно связан с тем, каким образом они нанимаются на соответствующие посты и продвигаются по службе. В странах, где процветают семейственность и протекция или где государственные посты прямо или косвенно покупаются и продаются, чиновники будут менее компетентными и менее мотивированными, поскольку успех зависит не от личных качеств, а от преимуществ, обусловленных наличием связей или подкупом начальства, в результате чего они будут сильно подвержены коррупции. Это было предельно четко показано немецким социологом Максом Вебером[154].

Показатели той степени, в которой набор и служебный рост гражданских служащих в 35 странах зависят от личных качеств (а также насколько их средние ставки жалования соответствуют аналогичным ставкам в частном секторе), говорят о том, что межстрановые рейтинги, приведенные в Международном справочнике страновых рисков, в значительной мере связаны с характером набора и продвижения по службе гражданских служащих[155]. Набор служащих на основе объективных качеств, а также их продвижение по службе на основе того же критерия и прочность служебного положения имеют исключительно важное значение для сокращения масштабов коррупции.

iii) Вознаграждение гражданских служащих

Уже давно признано, что если давать людям власть и платить им мизерное жалование, то наивно ожидать того, что они не будут пользоваться этой властью в целях получения личной выгоды. Сознавая это, Сингапур в 60-х годах – под руководством прежнего премьер-министра Ли Кун Ю – и Гонконг в конце
70-х годов повысили оклады своих гражданских служащих, причем настолько, что порой они получают больше, чем самые высокооплачиваемые сотрудники на аналогичных должностях в частном секторе. Нередко отмечается – как с одобрением, так и без такового, что ставки жалования сингапурских министров, входящих в состав кабинета, привязаны к ставкам управляющих высшего ранга крупнейших в мире транснациональных компаний. Премьер-министр Сингапура получает в несколько раз больше, чем президент Соединенных Штатов. Многие специалисты (а также правительства Сингапура и Гонконга) считают, что эта стратегия оплаты государственного аппарата является тем важным фактором, который

---

[150] R. Gatti, *Explaining Corruption: Are Open Countries Less Corrupt?,* unpublished World Bank Working Paper (Washington. D.C.), 1999. См. также A. Ades and R. Di Tella, "Rents, competition and corruption", *American Economic Review,* Vol. 89, No. 4. 1999, pp. 982-993; C. Bliss and R. Di Tella, "Does competition kill corruption?", *Journal of Political Economy*, Vol. 5, No. 105, December 1997, pp. 1001-1023; S.-J. Wei, *Natural Openness and Good Government,* NBER Working Paper, No. 7765 (Cambridge, MA), June 2000.

[151] См., например, D. Kaufmann and S.-J. Wei, op. cit.; J. Svensson, *Who Must Pay Bribes...*, op. cit.

[152] J. Svensson, "Foreign aid and rent-seeking", *Journal of International Economics,* Vol. 51, No. 2, August 1998, pp. 437-461.

[153] G. Abed and H. Davoodi, *Corruption, Structural Reforms and Economic Performance in the Transition Economies,* IMF Working Paper WP/00/132 (Washington, D.C.), July 2000.

[154] M. Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* (London, The Free Press of Glencoe, 1947).

[155] J. Rauch and P. Evans, "Bureaucratic structure and bureaucratic performance in less developed countries", University of California-San Diego and University of California-Berkeley, mimeo, 1997.

объясняет очень низкие уровни коррупции в этих двух странах. (По результатам многих обследований Сингапур, как это отмечалось выше, относится к разряду наименее коррумпированных стран мира.)

Мнение о том, что высокие ставки жалования гражданских служащих способствуют сдерживанию коррупции, касается, естественно, не только Азии. Низкий уровень коррупции в Швеции, например, в период 1870–1970 годов частично объясняется тем фактом, что жалование высокопоставленных государственных служащих в 12–15 раз превышало заработную плату среднего промышленного рабочего[156].

Систематизированное изучение статистических данных, говорящих о наличии связей между коррупцией и размерами оплаты труда служащих государственного сектора, стало проводиться сравнительно недавно. Если в вышеупомянутом страновом регрессионном анализе не выявлено никаких надежных свидетельств роли высокой оплаты государственных служащих[157], то в докладе Всемирного банка и рабочем документе МВФ, подготовленном Ван Рейккегхемом и Ведером, приводятся конкретные факты, говорящие в пользу того, что странам с низким уровнем оплаты государственных служащих присущи более высокие уровни коррупции[158].

Важное значение имеет здесь не абсолютный уровень ставок жалования гражданских служащих, а их относительные размеры по сравнению с тем, сколько получают наиболее высокооплачиваемые служащие на аналогичных должностях в частном секторе. В рабочем документе МВФ в силу ограниченности имеющихся данных средний уровень жалования гражданских служащих сопоставлялся со средним уровнем заработной платы в обрабатывающей промышленности. Однако жалование служащих в частном секторе, должности которых по уровню квалификации и ответственности являются сопоставимыми с должностями высокопоставленных государственных чиновников, намного выше среднего уровня заработной платы в обрабатывающей промышленности. Поскольку средний уровень заработной платы в обрабатывающей промышленности является единственным показателем, по которому имеются данные для проведения надлежащего межстранового сопоставления, появляется потенциальная ошибка измерения в знаменателе. Что касается числителя, то следует отметить, что, хотя авторы и отыскали данные о размерах жалования гражданских служащих, во многих странах для них могут быть установлены дополнительные льготы

ТАБЛИЦА 4.5.1

Насколько нужно повысить официальное жалование гражданских служащих, чтобы снизить уровень коррупции?

	Соотношение ставок в гос. секторе и в обрабатывающей промышленности		
Страна	*Фактический уровень (1)*	*Калиброванный коэффициент для сокращения коррупции до уровня Сингапура (2)*	*Необходимое повышение ставок в гос. секторе (%) (3)*
Сингапур	3,49	3,49	–
Гонконг	1,79	2,85	59
Корея	1,01	7,08	271
Индия	1,09	5,40	395
Кения	0,90	5,36	496
Шри-Ланка	0,85	5,07	496
Турция	0,92	5,38	498
Колумбия	0,64	4,87	660
Мексика	0,50	5,04	908
Гана	0,63	6,77	975

Источник: Две первые колонки заимствованы из таблицы 6 в работе C. Van Rijckeghem and B. Weder, *Corruption and Rate of Temptation: Do Low Wages in the Civil Service Cause Corruption?,* IMF Working Paper WP/97/73 (Washington, D.C.), June 1997. В колонке (3) приводятся расчеты автора, основанные на данных из первых двух колонок и просто предполагающие буквальное применение расчетов Ван Рейккегхема–Ведера.

(например, бесплатное жилье, прислуга и счета для покрытия определенных нужд), которые могут быть довольно значительными по сравнению с их официальным жалованием, поэтому ошибки измерения могут быть и в числителе. Исследование построено на том предположении, что в рассматриваемых странах существует высокое прямое соответствие между уровнем заработной платы в обрабатывающей промышленности и уровнем ставок в частном секторе, аналогичных ставкам государственных служащих, и высокое соответствие между суммой дополнительных льгот и официального жалования и одним лишь официальным жалованием гражданских служащих.

В исследовании МВФ выявлена обратная и статистически значимая зависимость между относительными размерами жалования в государственном секторе и масштабами коррупции с участием государственных чиновников. На основе точечных оценок по каждой из стран выборки можно рассчитать значение отношения ставок жалования в государственном секторе к аналогичным ставкам в частном секторе, которое необходимо для сокращения масштабов коррупции до уровня Сингапура, являющего наиболее низким уровнем (ниже именуется "необходимой относительной ставкой"). Поскольку выборка не включает европейские страны с переходной экономикой, мы не можем привести в качестве примера результаты по этим странам. Тем не менее было бы, пожалуй, полезным воспроизвести ту часть таблицы 6 из этого исследования, в которой проводится сопоставление между фактическими и необходимыми относительными ставками по ряду стран рассматривавшейся выборки. Как и все другие аналогичные прикидки в настоящем документе, цифры в таблице 4.5.1 приводятся чисто в порядке иллюстрации, и их не следует воспринимать буквально.

---

156 V. Tanzi, *Corruption Around the World: ...,* op. cit., цитируется неопубликованная работа A. Lindbeck, "Swedish lessons for post-socialist countries", 1998.

157 J. Rauch and P. Evans, op. cit.

158 World Bank, *World Development Report 1997* (Washington, D.C.), and C. Van Rijckeghem and B. Weder, *Corruption and Rate of Temptation: Do Low Wages in the Civil Service Cause Corruption?*, IMF Working Paper WP/97/73 (Washington, D.C.), June 1997.

Таблица 4.5.1 позволяет сделать ряд выводов, заслуживающих особого внимания. Во-первых, для того чтобы искоренить коррупцию (или сократить ее масштабы до уровня Сингапура), жалование служащих в государственном секторе нужно повысить на существенную величину (иногда на 500 или даже 900 процентов). Во-вторых, мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что в результате требующегося повышения заработки государственных служащих превысят ставки жалования служащих на аналогичных должностях в частном секторе. Если это произойдет, то возникает серьезная проблема с наличностью, даже если у соответствующих правительств есть деньги (или возможность преобразовать значительную часть нынешних незаконных взяток в прогрессивные налоги, которые необходимы для финансирования законной оплаты труда гражданских служащих). В-третьих, если гражданские служащие будут получать больше, чем служащие на аналогичных должностях в частном секторе, то, возможно, многие будут давать взятки для того, чтобы занять эти должности в государственном секторе. Таким образом, сама стратегия повышения оплаты может породить новые виды коррупции. В-четвертых, вымогательство и взяточничество, возможно, уже стали частью бюрократической культуры и жизни, поэтому повышение официального заработка может и не привести к существенному сокращению коррупции, по крайней мере на начальном этапе.

К счастью, нам не нужно замыкаться на столь пессимистичном заключении из этого обзора, поскольку заработки в государственном секторе являются лишь одним из элементов в успешной компании по борьбе против коррупции. Перейдем к другому важному аспекту.

iv) Другие элементы стратегии борьбы против коррупции

Важнейшее значение в любой борьбе против коррупции имеет способность страны выявлять акты коррупции и преследовать лиц, виновных в их совершении.

Существует несколько каналов для реализации возможности выявления таких актов и наказания виновных. Ниже указаны семь таких каналов:

i) независимая и беспристрастная судебная система;

ii) официальная структура по борьбе против коррупции, такая как Гонконгская независимая комиссия по борьбе против коррупции[159];

iii) наличие низовых "контролирующих" организаций;

iv) прямая телефонная линия экстренной связи, какая существует, например, в Мексике и Соединенном Королевстве и позволяет гражданам обращаться с жалобами непосредственно в правительство;

v) опросы общественного мнения, аналогичные тем, которые проводятся Центром по вопросам государственного управления в Бангалоре, Индия, или Институтом экономического развития Всемирного банка в других странах и которые позволяют регистрировать отношение общественности, и в частности малоимущих слоев населения, к коррупции;

vi) свобода печати, позволяющая проливать свет на любые проявления чиновничьей коррупции;

vii) демократические институты, служащие двойной цели обеспечения возможности увольнения коррумпированных чиновников под влиянием общественного мнения и защиты частных лиц и организаций, осмеливающихся предавать гласности действия коррумпированных чиновников.

Все эти каналы потенциально важны. Имеется ряд тематических исследований и немало поучительных фактов, которые подтверждают их эффективность в конкретных странах и на определенных этапах, а также указывают оптимальные пути их организации[160]. Вполне возможно, что дополнительные доходы, которые будет получать государство благодаря деятельности различных органов по борьбе с коррупцией, превысят затраты на обеспечение их функционирования.

Хотя на уровне интуиции важность этих каналов представляется однозначной, систематизированных статистических анализов их сравнительной значимости с охватом широкой выборки стран пока очень мало. Это весьма перспективная область для будущих исследований.

Один из вопросов, который привлек определенное внимание со стороны статистиков, – это связь между децентрализацией (передача власти с центрального уровня на уровень местных органов управления) и коррупцией. По логике децентрализация могла бы привести к снижению уровня коррупции, поскольку она позволяет повысить отчетность органов власти. Вместе с тем она может привести и к усилению коррупции, если склонность к рентоориентированному поведению и возможностей для ее реализации на местном уровне больше, чем на центральном. Если теоретические прогнозы остаются неясными, то исследование Фисмана и Гатти показывает, что для стран с более высокой степенью децентрализации бюджетной сферы (более крупная доля в общем объеме государственных расходов приходится на уровень местных органов власти) характерны более низкие уровни субъективно

[159] Этот и другие вопросы, касающиеся мер по борьбе против коррупции, принимаемых в Гонконге и Сингапуре, см. J. Quah, "Singapore's experience in curbing corruption", в издании A. Heidenheimer. M. Johnson and V. LeVine (eds.), *Political Corruption: A Handbook* (New Brimswick, NJ, Transaction Publishers, 1989), and idem, "Controlling corruption in city-states: a comparative study of Hong Kong and Singapore", – документ, представленный на конференции "Восточно-Азиатский феномен: экономический рост и государственная политика", Стэнфордский университет (Пало-Алто, Калифорния), 25-26 октября 1993 года.

[160] См., например, материалы, представленные на девятой Международной конференции по борьбе против коррупции, состоявшейся в Лиме, Перу, в сентябре 1997 года.

оцениваемой коррупции[161]. Это первый регрессионный анализ данного вопроса, и именно в этом состоит его высокая ценность. Конечно, доля государственных расходов может быть не лучшим инструментом анализа связей между центральным и местным уровнями власти, поэтому этот документ вряд ли окажется последним словом в изучении данного вопроса.

v) Международное давление

Существует два канала международного давления, которые могут иметь актуальное значение в контексте проблемы коррупции. Во-первых, международные организации, такие как Программа развития Организации Объединенных Наций, Всемирный банк, Международный валютный фонд, ЕБРР и т. д., могут оказывать активное моральное воздействие, а также техническую помощь[162] в целях мобилизации или поддержки усилий соответствующих стран в их борьбе против коррупции. Полезную роль играют также различные конференции по проблемам надлежащего управления и коррупции, организуемые ПРООН, Всемирным банком и т. д. В крайнем случае, еще более эффективным средством порой может быть прекращение кредитования или угроза применения такой меры со стороны МВФ или Всемирного банка по причине процветания коррупции в странах-реципиентах.

Второй канал – это согласованные международные усилия по криминализации актов дачи взяток транснациональными компаниями должностным лицам в принимающих странах. Пока Соединенные Штаты являются единственной страной – источником крупных прямых международных инвестиций, имеющей такой закон, – Закон о практике, связанной с иностранной коррупцией, 1977 года, который запрещает их компаниям давать взятки иностранным чиновникам. Что касается других стран – членов ОЭСР, являющихся основными источниками инвестиций, то до совсем недавнего времени взятки, даваемые иностранным чиновникам, не только не были противозаконными, но и вычитались из сумм, подлежащих налогообложению[163]. Американский закон оказался не очень эффективным в плане снижения уровня коррупции в зарубежных странах – в основном в связи с тем, что компании из других стран не медля пользуются тем, что упускают американские фирмы из-за этого закона[164]. Коррумпированные чиновники в зарубежных странах не испытывают на себе достаточного давления, заставляющего их изменить поведение, даже если они действительно заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций в свои страны. Международный договор, ставящий под запрет иностранную коррупцию, мог бы укрепить коллективную способность всех основных транснациональных фирм воздерживаться от дачи взяток. Вероятность того, что они будут противостоять требованиям взяточников, будет выше, если они будут уверены в том, что в результате этого они не упустят выгоду в пользу своих конкурентов.

Вместе с тем не следует питать каких-либо романтических надежд относительно эффективности международного давления. Во-первых, мандаты почти всех международных правительственных организаций тем или иным образом ограничивают набор методов, посредством которых они могут добиваться искоренения коррупции. Если бы Всемирный банк приостановил кредитование стран, имеющих высокие индексы коррупции по данным организации "Транспаренси интернэшнл", то ему пришлось бы прекратить половину или более своей кредитной деятельности. Это нереально, поскольку это противоречило бы его другим очень важным целям и, возможно, ставило бы под вопрос само существование соответствующих организаций.

Во-вторых, и что более важно, успех любой программы борьбы против коррупции в конечном счете зависит от внутренних усилий и внутренних институтов. Если государственные чиновники не имеют серьезного намерения сократить масштабы коррупции, они просто не будут запрашивать кредит у международной организации, которая требует сокращения масштабов коррупции в качестве предварительного условия предоставления такого кредита. Таким образом, хотя международное давление и является полезным инструментом, который следует применять всякий раз, когда это возможно, его следует рассматривать как средство, дополняющее другие реформы национального уровня.

vi) Политико-экономические соображения и "особые административные зоны"

Отмечают, что после проведения либерализации цен или стабилизации валютного курса в той или иной развивающейся стране министр финансов или премьер-министр нередко вынужден покинуть свой пост. Это говорит о том, что экономически эффективные реформы могут быть чреваты политическим риском для отдельных политических лидеров. Всеобъемлющие реформы, необходимые для сокращения масштабов коррупции, также могут быть сопряжены с

---

[161] R. Fisman and R. Gatti, "Decentralization and corruption across countries", Columbia Business School and the World Bank, mimeo, 1999.

[162] Примером служат надлежащие руководящие принципы осуществления закупок.

[163] В Великобритании существует закон от 1906 года, который может толковаться как запрещающий британским фирмам давать взятки иностранным должностным лицам, однако он в основном не применяется.

[164] Хайнс отмечает, что американские фирмы действительно инвестируют меньше средств в более коррумпированные страны. J. Hines Jr., *Forbidden Payment: Foreign Bribery and American Business After 1977,* NBER Working Paper, No. 5266 (Cambridge, MA), September 1995. Вэй указывает, что в этом отношении американские фирмы не сильно отличаются от фирм других стран – членов ОЭСР, являющихся основными источниками инвестиций, поэтому их поведение может и не иметь связи с Законом о практике, связанной с иностранной коррупцией. См. S.-J. Wei, *Why is Corruption…,* op. cit. В статье "Greasing wheels: how U.S. concerns complete in countries where bribes flourish?", опубликованной в издании *Wall Street Journal* от 29 сентября 1995 года, высказывается предположение, что некоторые фирмы могут действовать в обход требований закона.

политическим риском. Кроме того, реформа, нацеленная на искоренение коррупции, может быть дорогостоящей, как это указано в подразделе 4.5 iii), выше. Наконец, даже если быть уверенным в истинных причинах низкого уровня коррупции в Сингапуре и Швеции (что вызывает серьезные сомнения), совсем другое дело убедить ту или иную глубоко коррумпированную страну пойти на то, что делают Сингапур или Швеция на своей территории. Местная культура, история и институты играют немаловажную роль, и сочетание этих факторов зачастую приводит к политическому бездействию.

Можно ли предложить какие-либо пути реформ, которые позволяли бы учитывать подобные политико-экономические соображения лучше, чем обычная всеобъемлющая национальная программа реформ? Одним из возможных вариантов является "особая административная зона" (ОАЗ)[165]. ОАЗ – это анклав внутри страны, в пределах которого можно опробовать всеобъемлющий пакет реформ, прежде чем распространять его на остальную часть страны. Она достаточно мала, чтобы потенциальный политический риск был меньше, чем в случае национальной реформы и чтобы определенный объем финансовых ресурсов позволял получать более наглядную отдачу (например, жалование гражданских служащих можно было бы довести до надлежащего уровня). И это однозначно носит характер эксперимента: прикидки, составленные на основе международного опыта, могут быть скорректированы с учетом местных условий. Первоначальный успех ОАЗ не только служил бы моделью для остальной части страны, но и заставлял бы политических лидеров в других регионах принимать аналогичные меры для сокращения масштабов коррупции. В силу того, что ОАЗ позволяет проводить всесторонние реформы, она обладает явными преимуществами по сравнению с альтернативным вариантом, предполагающим проведение частичной реформы, которая ориентирована на отдельную конкретную функцию государственного управления (например, сбор пошлин).

4.6 Заключительные замечания

Несмотря на возможные примеры выгоды, которые могут получать фирмы и отдельные лица от дачи взяток или наличия возможности дать взятку, рассмотренные материалы говорят о том, что общее влияние коррупции на экономическое развитие является резко негативным. Систематизированные исследования последних лет показывают, что коррупция оказывает негативное влияние на ряд "желательных элементов" (таких как уровни доходов). Коррупция сдерживает экономическое развитие по нескольким каналам. К их числу относятся более низкие уровни внутренних и прямых иностранных инвестиций, чрезмерно раздутые государственные расходы, перекос структуры государственных расходов в ущерб образованию, здравоохранению и содержанию инфраструктуры с отвлечением средств на менее эффективные, но в большей мере поддающиеся манипуляции государственные проекты. По мере углубления процесса глобализации страны с серьезными проблемами коррупции, скорее всего, будут отставать все сильнее. Они не только в меньшей мере пользуются выгодами глобализации, но и в большей степени уязвимы перед лицом связанных с ней факторов риска. Поэтому меры борьбы против коррупции приобретают все более важное значение.

Борьба против коррупции должна вестись сразу на нескольких направлениях. Необходимость наличия законов и мер по обеспечению их соблюдения не вызывает никаких сомнений, однако страны, действительно заинтересованные в успехе борьбы против коррупции, должны также уделить внимание пересмотру роли государства в экономике страны, особенно в тех ее областях, где должностные лица обладают дискреционными полномочиями, поскольку такие области нередко становятся рассадником коррупции. Набор гражданских служащих и их продвижение по службе на основе личных качеств, а также оплата их труда в размере, сопоставимом со ставками, установленными для аналогичных должностей в частном секторе, помогут привлечь на государственные посты высококвалифицированных и нравственно чистых людей. Международное давление на коррумпированные страны, в том числе признание преступного характера актов подкупа иностранных чиновников транснациональными компаниями является весьма полезным инструментом, одна-

[165] Предложено в работе S.-J. Wei, "Special governance zones: a practical entry-point for a winnable anti-corruption strategy" – документ, представленный на одиннадцатой Международной конференции по борьбе против коррупции (Дурбан, Южная Африка), 1999 год.

ко успех любой кампании по борьбе против коррупции в конечном счете зависит от внутренних институтов в коррумпированных странах.

Немаловажное значение для успешного осуществления стратегии имеют политико-экономические соображения. Создание в стране особой административной зоны может способствовать сокращению потенциального политического риска, повышению степени финансовой приемлемости стратегии и расширению возможностей для обеспечения учета местных условий. Иными словами, такая зона позволяет политическим лидерам решить трудную дилемму, заставляющую их либо отваживаться на проведение рискованной общенациональной реформы, либо сохранять существующее положение. Тем самым она может способствовать повышению вероятности успеха на начальном этапе, который может дать импульс для последующих реформ.

ЗАМЕЧАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБСУЖДЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ПРОФЕССОРА ВЭЯ

4.А Красен Станчев

Для меня большое удовольствие и честь прокомментировать чрезвычайно интересный доклад профессора Вэя. В нем проводится обзор различных взглядов на коррупцию, а также попыток разработки комплекса стратегий по борьбе с ней. Страны с переходной экономикой довольно сложно выделить из общего поля исследования, однако в своих замечаниях я намерен остановиться на некоторых особенностях, присущих этим странам, которые могли бы быть приняты во внимание и, соответственно, подкрепить предложения профессора Вэя относительно того, что можно сделать на этом направлении.

Общие постулаты

Честность – это лучшая стратегия, поскольку она лучше любой другой. В экономике такая стратегия позволяет ликвидировать или сократить государственный контроль над ценами, прибылью и подрядами. Предполагается, что совокупный эффект включает более низкий уровень издержек, связанных с совершением сделок и обеспечением выполнения контрактов, и более высокую степень экономической свободы. В то же время с позиций Канта ответ на изначальное высказывание Франклина мог бы звучать так: да, честность – это лучшая стратегия, поскольку она лучше любой политики.

Честность должна существовать в отношениях между государством, его представителями, то есть чиновниками, и предпринимателями. Предприниматели, действуя в пределах существующей свободы выбора, стремятся сократить вышеупомянутые издержки (и тем самым повысить свою прибыль). Чиновники, со своей стороны, стремятся максимально повысить их конкретную полезность. В отличие от предпринимателей они принадлежат к некоммерческой сфере и финансируют сами себя – по крайней мере частично – за счет распределения средств, взимаемых с других структур (в основном налоги), и/или субсидий[166].

Процесс перехода и анализ коррупции

Если взглянуть на эти отношения с позиций рынка, то со стороны чиновников имеется предложение товаров и услуг, которые составляют определенную долю в общем объеме государственных расходов. Со стороны предпринимателей имеется стремление предложить те же или аналогичные товары и услуги, однако основная цель состоит не в их перераспределении, а в отыскании потребителей, готовых платить за эти товары и услуги.

При анализе коррупции важное значение имеет убежденность в том, что на рынке и покупатель, и продавец дает меньше, чем получает. Иными словами, если анти- и нерыночные механизмы обмена играли бы роль своего рода "смазки", то они сокращали бы трансакционные издержки. Ответ на вопрос г-на Вэя относительно того, что же такое коррупция – "смазка или песок" – в определенном смысле известен заранее. Как внерыночный элемент чиновники теоретически обречены препятствовать экономическому обмену. Обследования, посвященные изучению проблемы коррупции, как правило, дают практические подтверждения распространенных теоретических гипотез.

Суть процесса перехода (в центральной и восточной Европе (ЦВЕ)) состоит в создании или воссоздании таких элементов, как a) чиновники, b) предприниматели и c) отношения между этими двумя сторонами, включая поддерживающую политическую основу для чиновников (т. е. политические партии). Переход, по всей видимости, порождает многогранные процессы взаимодействий. Так, нормативное регулирование, устанавливающее барьеры на пути проникновения на рынок, которое должно влиять на число конкурирующих претендентов и распределение возможностей, может служить источником коррупции в системе, однако развитие конкурентоспособных компаний, их объединений, трестовских структур и критической массы соответствующего влияния со временем может привести к изменению нормативных основ и снятию барьеров. Документ г-на Вэя дает определенное представление об ожидаемых последствиях такой эволюции.

Честная политика и экономическая свобода

Эксперты, как представляется, считают также, что основы честной политики и свободы совпадают: страны, как правило, имеют сходный уровень показателей экономической свободы и субъективной оценки масштабов коррупции. В анализе Вэя этот вопрос как таковой не затрагивается, однако корреляция является весьма очевидной вне зависимости от того, какой индекс экономической свободы используется для целей сопоставления с уровнями коррупции. Хотя степень экономической свободы оценивается сравнительно объективно, а

---

[166] Подробное описание см. в работе W. Niskanen, Jr., *Bureaucracy and Public Economics* (Aldershot, Edward Elgar, 1994), pp. 15-23.

индексы коррупции отражают субъективные оценки, соответствия между этими двумя категориями показателей по различным странам являются значительными, регулярными и частыми. Те 20 стран, которые занимают лидирующие позиции по уровню экономической свободы (согласно показателям Института Фрейзера, сети "Экономическая свобода" и фонда "Наследие"), в то же время находятся и в нижней части шкалы восприятия коррупции.

Сопоставления между странами ЦВЕ и странами, вступающими в ЕС, позволяют получить более четкое представление о взаимозависимости между надлежащими реформами, ПИИ и более высокой степенью целостности экономики передовых стран по сравнению с теми странами, которые идут в хвосте процесса реформ и европейской интеграции.

Экономический смысл вышеизложенных соображений можно резюмировать следующим образом. В единичной сделке между чиновником и предпринимателем плата за прохождение чиновничьей инстанции может дать либо позитивный, либо негативный результат, то есть сделка, совершаемая через чиновничью инстанцию, оказывается успешной или нет. Если же речь идет о серии сделок, то блокирование механизма обеспечения предложения и спроса на наиболее благоприятных (и наименее дорогостоящих) условиях приводит к ухудшению общей ситуации. Совокупное влияние на чистый объем инвестиций сдерживает экономический рост и снижает уровень доходов. В документе Вэя резюмируются материалы, подтверждающие вышеизложенное, приводятся дополнительные новые факты и сведения и выдвигается ряд общих предложений по предупреждению коррупции и поддержанию процесса экономического роста.

Реформы переходного периода и периода подготовки к вступлению в ЕС, которые не предполагают создания механизмов обеспечения и/или повышения экономической свободы, ведут к повышению расходов, связанных с инвестиционной деятельностью, и снижению уровня транспарентности реформ, что повышает риск неудачи процесса перехода.

Структурная политика

В странах с переходной экономикой возможны такие сочетания стратегий, посредством которых правительства пытаются одновременно достичь нескольких взаимно несовместимых целей: либерализация и корректировка цен до уровней стран с развитой рыночной экономикой при одновременном сохранении "государства, требующего лицензий" (ГТЛ) и осуществлении контроля над предпринимательской и инвестиционной деятельностью в стране при помощи рычагов, лежащих вне финансовой сферы. ГТЛ можно определить как государство, в котором бюрократический аппарат выполняет функцию агента для сбора ренты и квазиналогов. При этом *бюрократический* аппарат может функционировать по-разному на различных стратегических направлениях. Транспарентность экономических механизмов страны должна, очевидно, находить отражение в отношениях между различными уровнями структурной реформы. Ниже приводится несколько примеров.

В области приватизации Болгария имеет самое сложное законодательство в ЦВЕ, а также весьма спорные и непоследовательные методы его применения. В Польше приватизация проходила с серьезным запозданием, однако низкая активность структурных преобразований компенсировалась другими стратегиями и инвестициями (внутренними и ПИИ) в новые объекты.

В сфере налогообложения Болгария (с 1997 года) имеет стройную систему, которая является более простой, ровной и объективной, чем, например, в Польше и Словакии[167].

Что касается либерализации банковской деятельности (понимается как приватизация, открытие возможностей для конкуренции, надежный потенциал центрального банка и гарантирование прав кредиторов), то, например, в Чешской Республике и Словении она проходила с некоторым запозданием, а в Болгарии проводилась стремительно и однобоко (свобода доступа без участия иностранных учреждений и отсутствие контроля и защиты прав кредиторов).

Во всех этих случаях общее влияние на темпы роста и уровень благосостояния населения проявилось с существенным запозданием. Нечто подобное имело место и в плане развития коррупции, хотя, очевидно, с очень разными последствиями в этих трех странах.

Вместе с тем во всех этих случаях вряд ли есть смысл пытаться определить, что есть причина чего: подрывает ли коррупция процесс реформ и накопления капитала или же она является следствием сочетания стратегий переходного периода. Важно, чтобы правильным был критический набор стратегий.

Ключевой принцип вмешательства, применявшийся в Болгарии до 1997 года

Чтобы не обижать никого, я возьму в качестве примера мою собственную страну. С 1990 по 1997 год ключевым принципом институциональной реформы в Болгарии[168] было гибкое регулирование или вообще отсутствие такового в вопросах использования денег вкладчиков и налогоплательщиков и чрезмерно жесткое регулирование в вопросах использования частной собственности и сбережений. Первое находит отражение в правилах, действующих в банковском секторе, и в характере управления государственными предприятиями. Эти предприятия защищены барьерами в форме лицензий, разрешительных

---

[167] M. Bak, J. Rencko and K. Stanchev (eds.), *Need for Deregulation of Tax Systems in CEE: A Comparative Study of Bulgaria, Poland and Slovakia* (Sofia, Institute for Market Economics, 1998) (http://www.ime-bg.org).

[168] Всестороннее исследование основных источников коррупции в Болгарии см. в работе Y. Ganchev, A. Yonkova and K. Stanchev (eds.), *Administrative Barriers to Business Activities* (Sofia, Institute for Market Economics, 2000).

процедур и других требований, применяемых дискреционно и далеко не бесплатно к предприятиям частного сектора, желающим выйти на рынок. Цена соблюдения этих правил в Болгарии (1999–2000 годы) для последних составляла 168 человеко-дней и 5556 долл. США. Стоимость несоблюдения составляла 50 человеко-дней и 2105 долл. США. Иными словами, соблюдать закон было гораздо дороже, чем нарушать его. Одни только издержки в натуральной форме по всем секторам предпринимательской деятельности в 1999 году равнялись 12 процентам общего объема ВВП, из которых 4,2 процента ВВП составляли издержки мелких и средних предприятий.

Число разрешений для отдельных видов предпринимательской деятельности, устанавливаемых новыми законами (то есть не считая подзаконных актов, инструкций, постановлений и т. д.) в Болгарии (1989–2000 годы), постоянно росло до 2000 года:

	Вновь введенные разрешения	*Число установленных разрешений*
1989	2	2
1990	4	6
1991	3	9
1992	1	10
1993	5	15
1994	6	21
1995	21	42
1996	13	55
1997	10	65
1998	21	86
1999	20	106
2000	20 (-26)	100

Источник: Институт по проблемам рыночной экономики (София).

Некоторые выводы

Общеизвестно, что то, что хорошо для экономики и благосостояния, хорошо для обуздания коррупции. Вопрос в том, откуда появится такое сочетание честных стратегий.

Представим, что правительство имеет программу создания "конкурентоспособной экономики, движущей силой которой является жизнеспособный частный сектор"; эту программу поддерживает МВФ (установлены определенные требования и льготы), однако если не принять меры для сокращения доли государства в экономике страны и ограничения его вмешательства в ее функционирование, то никакой честной политики не получится. Ключевой вопрос состоит в том, в какой степени такие стратегии завоевали "умы и сердца" государственного аппарата, смогут ли сохраниться принципы честности и стремление к сокращению бюрократического вмешательства в экономику после того, как международные финансовые учреждения сделают свое дело.

Если не будут установлены надлежащие отношения между государственным и частным секторами и созданы законные механизмы финансирования политических партий, то стремительно расползающаяся коррупция, принимающая самые различные формы, может создать опасность для всей системы экономики страны, находящейся на этапе перехода, и в конечном счете породить немалую угрозу для деловой сферы и благосостояния населения.

Кроме того, возможны ситуации, когда правительство, несмотря на наличие явных недостатков в плане транспарентности, получает международную поддержку по причинам внеэкономического характера, например, в связи с политическим риском, в силу угрозы войны или для противодействия другим внешним факторам. Взглянув на положение на Балканах в течение последних десяти лет, можно найти массу таких примеров. В принципе, такое отношение к внеэкономическим факторам риска (имеющим тем не менее экономические последствия) говорит о том, что порой коррупция может быть экономически выгодной альтернативой другим неблагоприятным явлениям. Такие ситуации нужно отделять от остальных и разбирать отдельно. Это, на мой взгляд, позволит более четко уяснить связь между процессом перехода и коррупцией и несколько снизить субъективную оценку уровня коррупции.

4.В Иво Бичанич

Экономическая коррупция существовала всегда, однако до недавних пор ведущие экономисты не считали ее предметом, заслуживающим отдельного обсуждения. В экономической теории для нее не было места, и даже исследования, в которых затрагивались аналогичные проблемы (например исследования по проблемам теневой экономики), просто обходили ее стороной. Однако, если экономисты игнорировали коррупцию, она от этого не становилась менее значимой. Как раз наоборот, экономисты обнаружили, что реальная результативность функционирования экономики во многих странах зависит от степени коррупции и что во многих случаях ее просто нельзя сбрасывать со счетов.

Итак, под влиянием событий последнего десятилетия экономисты стали обращать внимание на коррупцию. Теоретики разработали модели и аналитические приемы, позволяющие приступить к ее изучению (расхождения в информации, пробелы в контрактах, стремление к наживе и т. д.), а в эмпирических исследованиях все чаще стали предприниматься попытки отыскать способ измерения этой "мягкой" и, по определению, нерегистрируемой переменной в рамках количественного анализа. Таким образом, экономика коррупции вошла в разряд официальных экономических категорий и стала одним из элементов процесса эволюции экономики, который включает ряд аналогичных реальных элементов (демократия и дефицит демократии, общественный капитал и культура деловых отношений, неравенство и рентоориентированное поведение и т. д.).

Анализ коррупции со временем становится все более глубоким. Блестящим свидетельством того,

насколько далеко вперед шагнул ее количественный анализ, является рассматриваемый документ, подготовленный Шан-Цзинь Вэем. Его документ – это самое последнее на сегодняшний день слово в деле проведения обстоятельного экономического анализа и получения надежных результатов для целей изучения коррупции. Регрессионные анализы, обследования и целый ряд вскрытых в нем причинно-следственных связей показывают, каким образом экономисты могут применять "твердые" мерки к тому, что до сих пор считалось "мягким" понятием. В этом смысле исключительно важное значение имеет вывод, сделанный в этом документе и заслуживающий особого внимания в силу его стратегического значения: коррупции нет оправдания ни при каких обстоятельствах. Любой уровень коррупции является недопустимым. Этот вывод имеет важное значение в свете тех доводов, которые нередко выдвигаются в защиту коррупции как средства решения проблемы волокиты и чрезмерного бюрократического вмешательства (в бывшей СФР Югославии даже существовал термин "полезная негативная практика") или как традиции ведения дел, присущей данному конкретному укладу.

Несмотря на эти отрадные результаты, значительная часть изучения проблемы коррупции по-прежнему остается в "мягкой" области, и не стоит забывать о важности этого элемента. Одну из таких областей коррупции можно было бы назвать "мелкой коррупцией" (в отличие от "большой коррупции"). Мелкая коррупция затрагивает как деловую сферу, так и потребительский сектор экономики, а также гражданских служащих и государственную администрацию. В сфере предложения она находит проявление в таких случаях, когда мелкий или средний предприниматель платит налоговому инспектору, который проверяет его счета, владелец кафе платит инспектору санитарного надзора, чтобы тот закрыл глаза на определенные недостатки, уличный торговец платит полицейскому, чтобы тот позволял ему торговать, и т. д. В сфере спроса она имеет место тогда, когда человек, купивший товар, платит таможеннику, чтобы тот не досматривал его вещи, пациент платит медицинским работникам, чтобы они лучше его лечили, или за какую-либо услугу, связанную с наличием очереди (например, чтобы избежать очереди на операцию или не допустить первоочередного обслуживания других), и т. д. Согласно результатам недавнего обследования, проводившегося Институтом Гэллапа во многих странах мира, в Хорватии наивысший уровень коррупции отмечается в рядах таможенной службы, в полиции и среди медицинских работников. Другие обследования по Хорватии показывают, что в сфере общественных услуг подкуп является стандартным способом получения желаемых результатов.

Таким образом, "мелкая" коррупция – это нечто, являющееся частью повседневной, обычной жизни, и человек оказывается вовлеченным в нее уже в силу того, что ему нужно как-то преодолевать трудности в условиях "нечистой экономики" (еще один "мягкий", но полезный термин с большим внутренним значением). Она не приносит большой прибыли и, естественно, не входит в число приоритетов в кампаниях по борьбе против коррупции; она не делает никого баснословно богатыми и обычно остается в тени. Вместе с тем, что очень важно, разница между "мелкой коррупцией" и "большой коррупцией" состоит не только в масштабах: существует качественное различие. Ее роль в "нечистой" экономике, в которой она является органичным структурным элементом, совершенно отличается от ее роли в чистой экономике, где она является незначительной. Таким образом, в этом отношении здесь нельзя говорить о единообразии экономических условий, поскольку здесь важное значение имеет их разнородность. Мелкая коррупция имеет три важных особенности, которые определяют ее особый характер и требуют особого внимания. Во-первых, она стала частью общественного капитала нечистой экономики. Во-вторых, она не совместима с чистой экономикой. В-третьих, она крайне трудно поддается контролю и искоренению.

Первая особенность связана с тем, что мелкая коррупция является органичным структурным элементом, то есть неотъемлемой частью общественного капитала. Вследствие этого она является устойчивой, трудно поддается искоренению и создает серьезные проблемы. Здесь вновь можно привести пример Хорватии (эта небольшая страна юго-восточной части Европы упоминается отнюдь не из-за ее какой-либо особой важности: то же самое можно сказать о большинстве стран с переходной экономикой в Африке, Южной Америке или Юго-Восточной Азии). В 80-е годы с развалом социализма в обобществленном секторе и за его пределами появилось целое поколение мелких предпринимателей, которые стали размывать границы этого сектора. Эти предприниматели были тесно связаны с обобществленным сектором (по сути, нередко были официально заняты в нем), но нередко частично занимались также неофициальной экономической деятельностью и зачастую были замешаны в коррупции. Квазирента в условиях плохо управляемой экономики с неоформившимися и нерегулируемыми рынками была очень доходным делом. Они выработали необыкновенную способность к выживанию и удивительную деловую хватку. Еще до принятия законов они уже знали, как их повернуть в свою пользу. С началом процесса перехода у них появились оптимальные возможности для получения выгод от общей дезорганизации: система государственного управления не улучшалась, масштабы нерегулируемых рынков увеличивались, а они имели соответствующие знания и опыт. И они извлекали выгоду, но не в соответствии с новыми правилами официальной рыночной экономики, транспарентности и конкуренции, а сообразно с тем, что они умели лучше всего, широко опираясь при этом на коррупцию и неофициальную практику мелких и средних масштабов. Сегодня, десять лет спустя, они являются руководителями крупных компаний и обладают внушительными по любым меркам состояниями. Вместе с тем их поведение привело к

укоренению привычной практики, и введенное ими сочетание коррумпированных и договорных методов остается доминирующим и не несет на себе клейма позора. Наряду с этим в условиях недоукомплектованности и недостаточного финансирования государственной сферы обслуживания и размывания законных прав потребители все чаще прибегают к практике дополнительных платежей, которая стала для них уже привычной.

Такая структурная интеграция мелкой коррупции имеет важное стратегическое значение. Вывод Вэя о том, что коррупция никогда не может быть лучшим решением, подводит нас к главному вопросу, который отнюдь не является чисто теоретическим для людей, живущих в странах с "нечистой" экономикой. Этот вопрос состоит в том, как ликвидировать экономику с широко укоренившейся "крупной и мелкой коррупцией". В качестве примера здесь вновь можно взять Хорватию. Хорватия уже имеет двойной опыт ликвидации экономики с высоким уровнем общей коррупции. В начале 90-х годов это был выродившийся социализм, а сейчас это клановый капитализм. Первый опыт завершился крахом, которого можно было избежать; в отношении второго до сих пор ведутся дебаты, которые, судя по всему, завершатся еще не скоро, и окончательный вердикт далеко не ясен.

В свете этого опыта важное значение имеет различие между крупномасштабной и мелкомасштабной коррупцией в трех важных аспектах. Первый из них – это проблема "библейского первого камня", второй – это вопрос взаимного влияния и третий – опора на собственные усилия.

Значимость первого аспекта становится очевидной, если припомнить библейскую идею "первого камня". Кто осмелится бросить его, когда "мы все коррумпированы" в мелочах и когда нам всем приходится мириться с этим, чтобы преодолевать трудности в повседневной жизни? Не менее важное значение для тех, кто мог бы выступить с инициативой (политики), и тех, кто мог бы сделать какой-либо решительный шаг (государственная администрация), имеет тот факт, что в мелкой коррупции есть несколько крупных участников, и задача мобилизации доноров перерастает в проблему организации любой многочисленной и неоднородной группы людей, потенциальные выгоды которых не так велики (ситуация, аналогичная применению тарифов в международной торговле: несколько крупных победителей при множестве мелких проигравших).

Что касается двух других аспектов, то в качестве примера опять же можно привести опыт Хорватии. В обоих случаях борьбы с коррупцией влияние на мелкую коррупцию было ограниченным. Иным образом обстоит дело с "крупной коррупцией", бороться с которой во многих отношениях, пожалуй, легче. Посадить в тюрьму наиболее явно коррумпированных политиков и бизнесменов, не успевших бежать из страны, не так уж сложно (небольшое число, пристальное внимание и активная поддержка общественности, достаточные средства, выполнение предвыборных обещаний). Во многих отношениях это аналогично победе на выборах. По сути, это легкие шаги. Борьба же с коррупцией, пронизывающей каждую клетку экономики (а также общества и сознания людей) и охватывающей подавляющее большинство населения страны, – это трудный, медленный путь в гору, процесс, в котором очень мало или вообще нет ярких эпизодов, способных привлечь общественное внимание, причем исход всего этого процесса не ясен, у него масса противников и сам он сопровождается многочисленными срывами. Кроме того, опыт показывает, что ввиду разноплановости этих двух явлений взаимное влияние между ними также невелико. Громкие успехи в борьбе с "крупной коррупцией" не оказывают серьезного воздействия на "мелкую коррупцию"; работа над одной проблемой не ведет к автоматическому решению другой. Однако, возвращаясь к опыту второго процесса перехода в Хорватии (задача, стоящая перед многими странами с переходной экономикой, не входящими в "первую волну"), можно сказать, что лишь ограниченное воздействие на мелкую коррупцию не позволит сломить клановый капитализм, положить начало росту общественного капитала и оживить моральные нормы функционирования экономики. (Я благодарен моему коллеге Воймиру Франишевичу, отметившему важность этого момента: как и общественный капитал, это еще один не до конца выясненный термин, который опасливо обходится экономистами, но за которым они все чаще признают неизбежную значимость в условиях реальной экономики.) Преимущество, подмеченное Танзи, по мнению которого повышение этических норм ведет к повышению эффективности функционирования рынка, не находит материального подтверждения.

Не менее важное значение имеет третий аспект, предполагающий опору на "собственные усилия". Он связан с взаимозависимостью между масштабами деятельности и коррупцией. Хотя прямой связи между уровнем коррупции и масштабами экономики может и не существовать, у нас действительно есть примеры крупных стран с глубоко коррумпированной экономикой и небольших стран с экономикой, свободной от коррупции, и связь между этими двумя элементами может иметь актуальное значение для усилий по ее искоренению. Вопрос состоит лишь в объеме и гибкости имеющихся людских ресурсов. Небольшие страны имеют просто меньше ресурсов, которые являются также менее гибкими. У них меньше судей, полицейских и гражданских служащих, меньше управляющих, бизнесменов и т. д. (Вновь приведем пример Хорватии, который относится к другой сфере, но может проиллюстрировать этот сдерживающий фактор: Хорватия является небольшой страной с населением чуть больше 4 млн. человек – у нее есть всего 5 экономистов, занимающихся денежно-кредитными проблемами, и их просто недостаточно для того, чтобы каждая партия имела своего.) Проблема состоит не только в том, что весьма сложно заменить одну команду гражданских служащих другой,

которая будет обладать необходимой квалификацией (мелкая коррупция необязательно предполагает невежество, а лишь низкий нравственный уровень), но и в том, что невозможно импортировать людские ресурсы, необходимые для ликвидации мелкой коррупции. Поэтому малым странам приходится обходиться людьми, которые у них есть (включая тех, о которых они предпочли бы не говорить). Это создает дополнительные проблемы в процессе борьбы против коррупции. Если наиболее яркие проявления "крупной" коррупции вполне поддаются контролю, бюрократическая волокита поддается выявлению и, вероятно, можно даже импортировать необходимые людские и социальные ресурсы для борьбы с ней, то бороться с "мелкой коррупцией" намного сложнее.

Успех в деле ликвидации мелкой коррупции имеет кардинальное значение для преобразования "нечистой" экономики в экономику, свободную от коррупции, и наряду с этим для успеха экономического перехода и обеспечения устойчивых темпов экономического роста с последующим сближением экономических уровней. Существует еще одно основание для беспокойства в отношении потенциального успеха процесса ликвидации коррупции. Из четырех экономических аномалий, которые были столь наглядно вскрыты более 30 лет назад[169], две – теневая экономика и перенапряжение экономики – связаны с общественным капиталом, а две другие – чрезмерный контроль над экономикой и резкая смена курса – связаны с процессом ликвидации. Процесс ликвидации "кланового капитализма" и повсеместной мелкой коррупции сам по себе может привести к новым аномальным проявлениям коррупции и, соответственно, дать обратный результат.

[169] R. Bićanić, "How not to develop a country: an essay in economic pathology", *Turning Points in Economic Development* (The Hague, Mouton, 1972).